

Омарова Б.Я.
(Астана, Казахстан)

ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ДЛЯ НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ БЫТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье исследуется типология внутриязыковой идиоматичности, разработанная М.М. Копыленко, З.Д. Поповой и А.Ф. Лосевым в 70-х годах XX века. Эта типология лексем используется при описании тюркских наименований предметов быта, заимствованных русским языком.

Ключевые слова: идиоматичность, семантический сдвиг, иконический концепт, денотативное и коннотативное значение.

В 70-х годах XX в. известные ученые М.М. Копыленко, З.Д. Попова и А.Ф. Лосев независимо друг от друга предложили эквивалентный подход по типологии идиоматичности лингвистических единиц [10, 8].

Так, типология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой близка европейской традиции, которая основывалась на теории семантического сдвига (т.е. идиоматичности) в лексемах и их сочетаниях от денотативной (D) до коннотативной (K) сочетаемости лексем [13].

Эта типология внесла существенный вклад в развитие семасиологии на одной шестой части суши и за ее пределами. Об этом свидетельствуют многочисленные диссертационные исследования. Отметим, что в некоторых современных российских учебных пособиях, посвященных семантике, по каким-то нам неизвестным причинам не описывают ее на страницах своих учебных книг.

По-видимому, это обстоятельство можно объяснить либо частичным отрицанием европейской традиции, либо неприятием математического подхода к проблемам градуирования идиоматичности лексем и их сочетаний, либо связано с теми требованиями, которые не укладываются в прокрустово ложе той или иной научной школы [14].

В современной лингвистике эта методология применяется в исследовании лингвистических единиц разных уровней в родственных и разноструктурных языках с позиции когнитологии, прагматики [11].

А.Ф. Лосев в большой фундаментальной статье «Проблема вариативного функционирования поэтического языка», которую он в виде докладов читал на кафедре классической филологии МГПИ им. В.И. Ленина в 70-х годах XX века,

предложил принцип индикации применительно к малоидиоматичным и высокоидиоматичным словам и их сочетаниям. Однако и эти стремления А.Ф. Лосева были оставлены без внимания со стороны современников, что по инерции передалось нынешним языковедам. По-видимому, они воспринимают творчество А.Ф. Лосева в большей степени как культуролога, но не как лингвиста-теоретика.

В нашей небольшой работе мы попытаемся заполнить данный пробел науки, с целью привлечь внимание ученых на творческое наследие М.М. Копыленко, З.Д. Поповой и А.Ф. Лосева, которое сегодня не утратило своей актуальности. Это наследие можно применить к исследованию лингвистических единиц разных уровней языка в аспекте новейших подходов к объекту и предмету языкового материала в синхронии и диахронии.

Индикация – процесс, который «оказываете всегда подвижным, всегда текучим, всегда способным развиваться в ту или иную, уже самостоятельную образность» [11, 422]. Другими словами, мы наблюдаем семантический сдвиг семемы той или иной лексемы или сочетаемости лексем. Благодаря этому явлению формируется высокая идиоматичность, либо при отсутствии семантического сдвига идиоматичность стремится к нулю [3]. Ср., наблюдения А.Ф. Лосева: «*ножка стула, дверная ручка, носик чайника*» и др. Он указывает, что, например, в сочетании *подошва горы* наблюдается «цельный и понятный для нас образ подошвы ..., т. е. сам факт нижней части чего-нибудь. Вместо цельного образа подошвы ... здесь только факт наличия в предмете его нижней и опорной части. Такую образность необходимо назвать указующей только на факт картины, а не на самое картину». Это явление А.Ф. Лосев обозначает как *индикаторный образ* и уточняет его в качестве *условного индикаторного образа* [11, 422]. Здесь мы наблюдаем указывание на некую когницию, которую он обозначает в другой работе в качестве «бытия среднего» [10].

М.М. Копыленко и З.Д. Попова, предлагая градуирование идиоматичности лексем [8, 106], считают, что символ D1 представляет денотативную семему, которая отражает непосредственную экс-

тралингвистическую реальность. Ср., например, сочетание «*киевский подол*» уже отсылает к другой семеме, обозначаемой семемой D2.

Однако эта семема D2 не развивается из семемы D1, т. е. «это совершенно новая семема с оригинальным составом сем». Обращает внимание следующее: «одна-две семы у семем D1 и D2 тождественной лексемы обязательно оказываются общими» [7, 36]. Итак, появляется общая сема, которая является посредником между обозначающей лексемой реальности и семемами, которые выступают в качестве «бытия среднего» [10, 410].

И М.М. Копыленко, и З.Д. Попова, и А.Ф. Лосев указывают на одну и ту же когнитивную иконичность, хотя семемы у тождественных лексем обозначают разные явления, предметы окружающей индивидуума реальности. Ср., сочетания лексем: *подол платья, горы, Киева*, которые указывают на идентичность иконической формы. Эта иконичность является особым посредником, т. е. «бытием средним» между этими сочетаниями. Эти сочетания обозначают совершенно разные внеязыковые реалии. Кроме того, их семантика не сводима к образуемому их концепту.

Эксплицирование денотативной лексемы в символической D1 и D2 обеспечивает ее объективное осмысление, а для этого нужен определенный контекст (или дискурс), репрезентирующий семемы D1 и D2. Общая сема помогает выявить когнитивный смысл, являющийся основой их формирования, хотя для человека вероятность репрезентирования изолированной лексемы в символической D1 будет вероятней, чем в символической D2 [7, 8].

А.Ф. Лосев определяет четыре фазы индикации: 1) это указание на простой факт существования какого-нибудь предмета; 2) это указание не на один предмет, а на известное множество в динамическом аспекте; 3) ощущается малая идиоматичность лексем, выходящие за пределы чисто чувственной данности; и, наконец, 4) ощущается некая образность, указывающая на другую, например, моральную, психологическую или общественную ценность предмета или явления действительности [11, 422–423].

М.М. Копыленко и З.Д. Попова выделяют четыре степени идиоматичности от нулевой денотативной D1, D2 до K1, K2, и K3.

Семема K1 является мотивированной, возникшей в результате семантического сдвига из семемы D1, а также из D2. Мотивированность этой семемы сохраняется не в лексеме, а в сознании (в речевой стихии) и в мышлении (в языковой системе) человека, что отражается языковой системой. В семном составе лексемы имеется обязательный рефлекс-отсылка на иконический концепт совершенно другого денотата. Ср., сочетания

сонный человек (D1D1), сонная волна (K1D1).

В этих сочетаниях мы обнаруживаем общий иконический концепт — между человеком (либо вообще живым существом) и состоянием природы в определенных климатических условиях, т. е. мы наблюдаем определенный перенос концептуализации ненаблюдаемого явления на непосредственно наблюдаемое, маркирующее определенные черты природного явления. В семантическом отношении произошло следующее: в адъективной лексеме произошел семантический сдвиг, который и сформировал коннотативное значение в семантическом статусе K1. Рефлексия иконического концепта сохраняется и находится внутри семного состава K1. Итак, только в лексике, обладающей денотативной семантикой, когнитивное значение расположено между семемой и денотатом (десигнатом), именно оно и есть «бытие среднее», которое необходимо обозначить как концепт. Семантический сдвиг, приведший к образованию коннотативного значения, это «бытие среднее» не аннигилируется, а сохраняется в качестве рефлекса в языковой памяти говорящих людей. Подобное «бытие среднее» является приметой языковой общности, создавая особое идентичное языковое видение этноса, которое, в свою очередь, есть рефлекс поведенческого стереотипа народа.

Теперь, что касается семем K2 и K3.

Эти семемы целостны, немотивированны, так как их означаемое сводится только к одной коннотативной семеме, которая репрезентируется в составе идиомы. Ср., *втирать очки — K2K2*, в подобных сочетаниях аннигилируется только «бытие среднее», которое не сохраняется в памяти носителей языка, т. е. мы не ощущаем мотивированность иконического концепта.

Об этом явлении указывает Д. Лакофф, понимая этот процесс как перенос (более глубокий семантический сдвиг) из сферы «источника» в область «мишени», которые по существу не связаны друг с другом, образованные эволюцией опыта человека [9, 202].

Семема K3 оказалась к тому же изолированной от своих денотативных сем. Этот процесс изоляции был более длительным в истории языка и сформировался разными путями. В силу этих причин крайне трудно определить ее когнитивный концепт.

Определяя этот концепт, М.М. Копыленко и З.Д. Попова предлагают следующее: а) может быть эта лексема является ксенологизмом? б) Принадлежит ли эта лексема к тому или иному наречию? в) относится ли она к какой-либо профессиональной терминосистеме? г) может быть эта лингвистическая единица образована в живой разговорной стихии? д) может быть она вышла из

активного употребления и является либо историзмом, либо архаизмом? и т. п. Ср., *баш на баш*.

В.И. Даль приводит это сочетание в контексте поговорки: «менять *баш на баш* (...) без придачи», т. е. обменивать что-либо вслепую [2, 56]. Здесь концепт «обмен вслепую» является «зерном» первосмысла (ср., тюрк. *baş* — «голова»).

Мы предлагаем рассматривать проблему внутриязыковой идиоматичности на эфемерной линии между означаемым языкового знака и психолингвистическими аспектами воображения и ощущения [9, 19–34]. Кстати, в языкознании считается аксиомой, что действие смысла сосредотачивается в слове, а образование этого смысла обуславливается контекстом того или иного предложения. Такой подход исходил из идеи Л. Витгенштейна, что «только предложение обладает смыслом и только в контексте предложения имя получает значение» [1, 39].

Для современной лингвистики такое понимание семантического сдвига является устаревшим. Необходимо использовать последние достижения естественных наук и прежде всего современные наработки в области психолингвистики.

Идиоматичность необходимо рассматривать как динамическое явление как механизм, как некое подобие, при взаимодействии этих процессов и появляется коннотативное значение. Этот механизм связан прежде всего с иконическим аспектом фокуса дискурса.

Появление коннотативного значения необходимо осмысливать как некое отклонение от норм языка, но это такое отклонение, которое не фиксируется ни одним толковым словарем.

Семантический неологизм не только суть семантического сдвига, но и результат взаимодействия как минимум двух семантических полей, состоящий не только в переходе от денотативной несогласованности к фигуративному согласованию полей, но и появление обертонов значений, которые по своей природе эфемерны в контексте предложения.

Таким образом, семантическое пространство, членяемое с помощью лексем на кванты разного денотативного и коннотативного свойства, обладает дискретностью, а на определенной точке эволюции языковой системы приобретает конкретные свойства «целостного образа». За денотативными значениями стоят иконические представления конкретно-чувственной действительности, а за коннотативными семемами стоят такие образы, находящиеся на эфемерной линии семантических субстратов.

Они переливаются друг в друга без осязаемых пересечений и интервалов при взаимодействии механизма генерации (трансформации) и диссипа-

ции языковой системы [5, 8]. Между границами семем К1, К2 и К3 наблюдаем диссипативные процессы, которые протекают в речевой стихии, а затем могут и проникнуть в языковую систему, потому что они по своей природе неустойчивы и текучи.

Носители русского языка были восприимчивы к неологизмам, вбирая и усваивая в соответствии со своей системной организацией языковой системы, как из западноевропейских, так и из восточных языков. Великий шелковый путь оказал сильное влияние на русский язык, начиная со средних веков, особенно это проявилось со стороны тюркских языков. Вошедшие в русскую лексику бытовые номинации тюркского происхождения становятся исконно русскими, так как тюркизмы подвергаются глубоким семантическим сдвигам. Чтобы определить эти сдвиги, мы используем аппарат Д/К М.М. Копыленко и З.Д. Поповой.

Подавляющее большинство лексем, обозначающих наименования предметов быта представляют собой древний пласт заимствованной лексики и относятся к семантическому статусу Д1. Эти явления, отмечает З.Д. Исакова, как процессы трансформации «морфемной структуры слова и, прежде всего, опрощением» [13, 26].

К таким явлениям относятся лексем с семантическим статусом Д1: *вьюк, вишня, жемчуг, каблук, кайма, пирог, рубаха, серьга, чесуча, сермяга, тесьма, халва, чулок, шишак, шуба* и др. Однако позже мы наблюдаем и другие процессы усвоения тюркизмов: переразложение (*алмаз, сковорода, утюг, чашка*), усложнение (*ковер, кисея*).

Указанные процессы усвоения тюркизмов связаны не только с фонетическими изменениями неологизмов, но и с грамматическим усвоением, в результате дериваты в языке-источнике при заимствовании утрачивали свою мотивированность, то есть мы наблюдаем стертый смысл первознака.

Так в русском языке они превратились в лексем немотивированные и непроемные, но здесь мы не наблюдаем семантического сдвига и эти лексем обозначают семы Д1. Другими словами, тюркизмы и иранизмы на протяжении длительного времени могли быть заимствованы несколько раз, что приводило к некоторым искажениям не только фонетического облика или полной утраты первичных фонетических и грамматических форм в языке реципиента. Ср., историю слов: *баклажан, бисер, изумруд, колбаса, харч* и др.

Однако в современном русском языке мы наблюдаем слова-экзотизмы, которые остаются непроемными, но также как и другие лексем-неологизмы сохраняют за собой семантический статус Д1: *манты, плов, халат, пиала, донер*

кебаб и другие. Отметим, что последнее сочетание лексем встречается и в западнославянских языках Центральной и Восточной Европы.

Итак, номинации, относящиеся к наименованиям предметов быта, являются тюркизмами и лексемами восточного происхождения. Освоение этого пласта лексики происходило через посредство тюркских языков, что дает нам право считать их тюркизмами. Эти лексемы имеют семантический статус Д1, но в тексте они подвергались тем или иным семантическим сдвигам, в основном до степени К1.

Литература

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат : пер. с нем. / Л. Витгенштейн. — М., 1958. — 139 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря / В.И. Даль. — Т. 1. — СПб, 1998. — 556 с.
3. Исакова З.Д. Предметно-бытовая лексика в регионах Великого шелкового пути (на материале русских переводов): автореф. дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук / З.Д. Исакова — Алматы, 2008. — 45 с.
4. Каиржанов А.К. Синергетическое основание языкознания / А.К. Каиржанов // Мова : науково-теоретичний часопис з мовознавства. — Одесса, 2006. — № 11. — С. 126-136.
5. Каиржанов А.К. Синергия языка / А.К. Каиржанов. — Астана, 2007. — 240 с.
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика : учебник / И.М. Кобозева. — М., 2000. — 352 с.
7. Копыленко М.М. Опыт градуирования идиоматичности фразеосочетаний / М.М. Копыленко, З.Д. Попова // Актуальные проблемы лексикологии. — Минск, 1970. — С. 106—107.
8. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии: учебное пособие по спецкурсу для филологов / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. — Воронеж, 1972. — 124 с.
9. Кронгауз М.А. Семантика : учебник для студентов лингвистических факультетов / М.А. Кронгауз. — 2-е изд. испр. и доп. — М., 2005. — 352 с.
10. Лосев А.Ф. Аксиоматика теории специфического языкового знака (стихийность знака и ее отражение в сознании) / А.Ф. Лосев // А.Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. — М., 1982. — С. 89-109.
11. Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования поэтического языка / А.Ф. Лосев // А.Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. — М., 1982. — С. 408—452.
12. Омаров Н.Р. Прагматические особенности газетных диалогических жанров в политическом и творческом дискурсах: дис. ... канд. филол. наук (рукопись) / Н.Р. Омаров. — Астана : ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2009. — 172 с.
13. Рахимжанова Г.К. Тюркизмы в русском газетном тексте: дис. ... канд. филол. наук (рукопись) / Г.К. Рахимжанова. — Астана : ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2004. — 173 с.
14. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // A. Ortony (ed.). Metaphor and Thought. — Second edition. — Cambridge, 1993. — P. 202—251.

Омарова Б.Я. Тюркські запозичення для найменування предметів побуту у російській мові. — Стаття.

Анотація. У статті досліджується типологія внутрішньомовної ідіоматичності, що була розроблена М.М. Копиленко, З.Д. Поповою та А.Ф. Лосевим у 70-х роках ХХ сторіччя. Ця типологія лексем використовується при аналізі тюркських найменувань предметів побуту, що були запозичені російською мовою.

Ключові слова: ідіоматичність, семантичний зсув, іконічний концепт, денотативне та конотативне значення.

Omarova B.I. Turkic Borrowings in the Russian Language for the Naming of the Things Used in Everyday Life. — Article.

Summary. The article deals with the typology of the inner idiomacy worked out by M.M. Kopilenko, Z.D. Popova, A.F. Losev in the end of XXth century. This typology of lexemes was used for the analysis of the Turkic names for the objects of every-day life borrowed by the Russian language.

Key words: idiomacy, semantic shift, iconic conception, denotative and connotative meaning.